русский пионер

Дар

16+

ISSN 2071-3037

№9(87) декабрь 2018 — январь 2019

литературный иллюстрированный журнал

Клятва главного редактора стр. 6

первая четверть

Урок правды. «Галя, привет, это я». **Наина Ельцина** о ночных звонках до утра стр. 16
Урок истории. Волчица с Чистых прудов. **Марлен Хуциев** про свою современницу стр. 18
Урок уроков. Дверь, которую никто не видит. **Сергей Гармаш** про сердце и кровь своего дома стр. 20
Урок труда. Как я к ней прилипла. **Татьяна Тарасова** о подруге как смысле жизни стр. 24
Урок кино. Атланты держат небо. **Вадим Абдрашитов** про житейскую режиссуру стр. 28
Урок сцены. Подарочный экземпляр. **Алена Бабенко** про ГБ и ЕВС стр. 32
Урок музыки. Дотянувшиеся. **Кристина Орбакайте** про свою сцену стр. 36
Открытый урок. Меня никто так не называл. **Дарья Белоусова** про пример удивительной воли стр. 40
Прогул уроков. И на том спасибо. **Дарья Adrenalyn** о том, кто вершил ее судьбу стр. 42

вторая четверть

Пионер-герой. Дары и стекляшки. Корреспондент «РП» в святых местах *стр. 46*
Дневник наблюдений. Дары Палермо. Шеф-редактор «РП» об искусстве соколиной охоты *стр. 56*
Следопыт. Винсент несмываемый. Обозреватель «РП» спасает художественную ценность *стр. 68*

третья четверть

Диктант. Ударность. В тему номера *стр. 78*
Урок литературы. Дубы и Федя. Обозреватель «РП» в родовом имении Достоевских *стр. 80*
Сочинение. Улыбка. Рассказ **Майка Гелприна** *стр. 88*
Комикс **Андрея Бильжо** *стр. 99*

четвертая четверть

Урок мужества. Буря в полушариях. Обозреватель «РП» развивает художественный дар *стр. 106*
Фотоувеличитель. И время вернулось. Исторический конкурс фотографов-любителей *стр. 112*
Урок географии. Книга убытия. Продолжение автопробега **Виты Буйвид** из Москвы в Петербург *стр. 118*

группа продленного дня

Правофланговый. Тень рая. **Константин Богомолов** про то, что дается кому-то ни за что и за все *стр. 126*
Пионервожатый. Пепел рисовой бумаги. **Марлен Хуциев** с продолжением саги для «Русского пионера» *стр. 128*
Пионервожатый. Нам все достается даром. **Александр Кабаков** про то, что подарок — это другое *стр. 132*
Знаменосец. Ромашки бездарности. **Виктор Ерофеев** про стринги здравого смысла *стр. 134*
Запевала. Он не спал, на ночь запирал окно. **Андрей Макаревич** про парение рядового Сидорова *стр. 138*
Чтец. Мистер и миссис Куст. **Дмитрий Быков** о том, что ничто никуда не исчезает *стр. 140*

Пионервожатый. Всколыхнувшее. **Гор Нахапетян** о том, о чем никто другой не знает *стр. 144*
Отличник. Все по-божески. **Павел Астахов** про патриаршие дары *стр. 146*
Завуч. Рад — это дар. **Андрей Бильжо** со своей новогодней сказкой *стр. 150*
Пионервожатая. Больше чем сон. **Лиана Давидян** о том, что она хотела бы увидеть продолжение *стр. 154*
Звеньевой. Баллада о ржавом ионоулавливателе. **Андрей Крайний** о том, что начиналось с анекдота *стр. 156*
Звеньевой. Эмма, и всё. **Станислав Николаев** про Большого Бая и не только про него *стр. 160*
Знаменосец. Что с нами не так. **Кирсан Илюмжинов** о том, что дареного коня кормить надо *стр. 162*
Отличница. Лелеет уникальный дар. **Ольга Аничкова** про малоизвестную актрису *стр. 164*
Барабанщик. Дар негодяев, или Переобувшиеся. **Сергей Петров** о тех, на ком держится литература *стр. 168*
Центровой. Дарственное. **Александр Журбин** про дар как по нотам *стр. 170*
Горнист/Энотека. Про Валериана Георгиевича, который пил вино. **Вита Буйвид** о том, почему в самолете лучше белое, чем красное *стр. 174*

Всегда готово. Обед для Уленшпигеля. Обозреватель «РП» готовит фламандские блюда *стр. 178*

Шахматный кружок. Славные партии *стр. 184*

Кроссворд. Крестословица *стр. 188*

Урок правды шеф-редактора. Подведение итогов *стр. 191*

Всегда готов!

рисунок: анна всесвятская

Первая четверть.

Урок правды. «Галя, привет, это я». **Наина Ельцина** о ночных звонках до утра. *Урок истории.* Волчица с Чистых прудов. **Марлен Хуциев** про свою современницу. *Урок уроков.* Дверь, которую никто не видит. **Сергей Гармаш** про сердце и кровь своего дома. *Урок труда.* Как я к ней прилипла. **Татьяна Тарасова** о подруге как смысле жизни. *Урок кино.* Атланты держат небо. **Вадим Абдрашитов** про житейскую режиссуру. *Урок сцены.* Подарочный экземпляр. **Алена Бабенко** про ГБ и ЕВС. *Урок музыки.* Дотянувшиеся. **Кристина Орбакайте** про свою сцену. *Открытый урок.* Меня никто так не называл. **Дарья Белоусова** про пример удивительной воли. *Прогул уроков.* И на том спасибо. **Дарья Adrenalyn** о том, кто вершил ее судьбу.

риа новости

«Галя, привет, это я»

текст: наина ельцина рисунок: мария арендт

Наина Иосифовна Ельцина близка с Галиной Борисовной Волчек, которая лишний раз об этом не говорит. А Наине Иосифовне можно. Более того, оказывается, можно написать даже колонку для «Русского пионера» про это — и такую, как надо: честную и искреннюю. Она ведь по-другому не смогла, если бы даже захотела. Но мы же знаем, что никогда и не захочет. И не сможет.

МЫ с Галиной Борисовной Волчек почти ровесницы — она на год младше меня. Познакомились, когда обеим было около шестидесяти. В таком возрасте трудно обзаводиться друзьями, охраняешь свое личное пространство, не подпускаешь к нему близко новых людей. Но так получилось, что мы с Галиной Борисовной быстро стали подругами. И этой дружбе уже 25 лет. Она стала для меня по-настоящему родным человеком, как будто мы знакомы с ней всю жизнь.

Сначала наше знакомство было заочным. «Современник» приезжал в Свердловск, это было большим культурным событием, и мы с Борисом, конечно, не упускали возможности сходить в театр. Начиная с 60-х «Современник» стал одним из самых известных театров страны. Я всегда была под огромным впечатлением от спектаклей, прекрасной игры актеров. Спектакли были живыми, искренними, про нашу жизнь, про наши чувства, в них ощущался дух времени — не зря же основатели театра назвали его «Современник». Когда Борис стал первым секретарем Свердловского обкома партии, он, конечно, встречался с труппой, которая приезжала на гастроли. Но меня на эти встречи не приглашали. Было не принято. Жена партийного работника, в отличие от жены президента, очень редко участвовала в официальных мероприятиях.

Конечно, я знала Галину Борисовну не только по театру, но и по фильмам. Она появлялась на экране, и ее энергетика заполняла все пространство, даже если это небольшая роль, но она запоминалась навсегда. Взять хотя бы роль покупательницы в комиссионном магазине в замечательном фильме Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля!». А Варвара в «Осеннем марафоне» Георгия Данелии. Или жестокая дочь изгнанного короля в фильме «Король Лир». Сколько раз я с огромным удовольствием пересматривала эти фильмы и, конечно, представить не могла, что Галина Борисовна станет моей подругой.

Мы познакомились, когда Борис уже был президентом. В начале 90-х я пригласила в Кремль наших известных актрис. Мы встретились в зимнем саду — Мария Миронова, Лия Ахеджакова, Вера Васильева, Ирина Мирошниченко… Всего 23 актрисы. И Галина Волчек среди них. Это была очень теплая встреча. Мы пообедали, посмотрели Кремль, попили чая, разговаривали, много смеялись. На память у меня осталась фотография — мы все вместе стоим на кремлевской лестнице, у каждой в руках по розе… Со многими из участниц этой встречи я сохранила очень добрые отношения. Но с Галиной Борисовной мы как-то особенно сблизились.

Постепенно наше знакомство переросло в дружбу. Именно постепенно, потому что никаких событий, которые бы нас сразу превратили в подруг, не было. Просто мы стали все чаще и чаще общаться, перезваниваться, бывать друг у друга дома. Я вообще-то со всеми на «вы». Но с Галиной Борисовной мы довольно быстро перешли на «ты» и стали друг для друга Галей и Наей. Хотя, бывает, я до сих пор, забываясь, перехожу на «вы». Она меня ругает: «Опять завыкала!»

Мы с Борисом не пропускали ни одной премьеры «Современника», а в перерыве и после спектакля шли за кулисы пообщаться с Галей и актерами. Это были незабываемые встречи, ведь в «Современнике» работали и работают потрясающие артисты, каждый из которых личность. Мы, конечно, считали себя не вправе обсуждать спектакль на равных с профессионалами, говорили как зрители… Я и сейчас стараюсь не пропускать премьеры. Если что-то мешает, обязательно прихожу на второй или третий спектакль. И теперь уже одна, без Бориса, захожу за кулисы…

Не могу сказать, что мы дружим семьями, хотя бываем друг у друга в гостях и наши дети — Лена, Таня, Денис, — конечно, знакомы. Каждый приезд Гали к нам для меня особое событие, и мне хочется ее накормить чем-нибудь вкусным — например, я всегда делаю для нее свои фирменные рыбные пельмени.

Хотелось бы видеться чаще, но я понимаю, как Галя занята в театре. Поэтому телефон для нас стал отдушиной. Иногда часов в одиннадцать начинаем — и вдруг я вижу: уже два часа ночи! И я вообще не заметила, как пролетело время, и еще всего столько осталось переговорить. Я ей доверяю свои самые потайные секреты, нет такой темы, которую я не могла бы с ней обсудить. Я знаю, что все, что я ей сказала, она не передаст никому, ни одному человеку. И она знает, что и мне можно доверить точно так же любой ее секрет, и он умрет вместе со мной. Что мне импонирует в Гале, она никогда не жалуется на жизнь, наоборот, полна оптимизма, всегда говорит: прорвемся, все будет отлично. И это чего бы ни касалось: здоровья, каких-то вопросов в театре, всего. Я по характеру такая же, терпеть не могу жаловаться, и вот мы, два таких оптимиста, и болтаем о том о сем, о нашей жизни…

Что мне импонирует в Гале, она никогда не жалуется на жизнь, наоборот, полна оптимизма, всегда говорит: прорвемся, все будет отлично.

В самое трудное для меня время — и в 1993-м, во время конституционного кризиса, и в 1996-м, во время предвыборной кампании, и в 2007-м, когда Бориса не стало, — Галя меня морально поддерживала. Ей всегда удавалось найти такие слова, которые помогали мне взять себя в руки. И она чувствует, когда ее помощь необходима. Сама она никогда помощи не просит. За столько лет нашей дружбы ни разу не обратилась с какой-нибудь просьбой ни ко мне, ни тем более к Борису Николаевичу. Правда, мы с Борей однажды воспользовались нашей дружбой с художественным руководителем «Современника». Как-то мы с однокурсниками организовали встречу в Подмосковье — в пансионате «Сосновый Бор». Приехали наши сокурсники со всей страны, и им, конечно, хотелось побывать в московском театре. Выбрали наш любимый «Современник». Вот тогда пришлось попросить Галю помочь с билетами — и наши сокурсники были счастливы.

Может быть, мне всегда с Галей легко еще и потому, что по характеру она с первых дней знакомства напоминала мне Бориса. Оба очень энергичные, ответственные, требовательные к себе и другим, но вместе с тем доброжелательные и открытые. Когда мы познакомились, Галя уже была художественным руководителем «Современника». Я видела, сколько сил и энергии она отдает театру. Когда она мне рассказывала о своих молодых артистах или режиссерах, которых приглашала на постановку спектаклей, я невольно сравнивала ее с Борисом. Галя, как и Борис, доверяет молодым, дает им возможность проявить себя, гордится их успехами и поддерживает в тяжелых жизненных и профессиональных ситуациях. Но при этом она, как и Борис, умеет строго спрашивать, не терпит необязательности и работы спустя рукава. И, как Борис, не боится, когда рядом оказываются талантливые и яркие люди. Он говорил: «Хочу, чтобы меня окружали люди, которые умнее меня». Мне кажется, Галя по характеру такая же.

У них были с Борей какие-то особые отношения, особая симпатия. Когда выяснялось, что Галя едет к нам в гости, у Бори заранее поднималось настроение. И он не хотел отпускать Галю домой до глубокой ночи.

Я счастлива, что у меня есть такая надежная, близкая, щедрая душой подруга. Мне легче жить, зная, что я могу поздно вечером набрать заветный номер телефона и сказать: «Галя, привет, это я». И в ответ услышать: «Ная, привет, ну, давай, рассказывай…»

дмитрий азаров

Волчица с Чистых прудов

текст: марлен хуциев рисунок: катерина воронина

Режиссер Марлен Хуциев не мог не посвятить колонку Галине Волчек, поэтому у него две колонки в этом номере (см. стр. 128) — вторая про дар некоторых других людей. И поразительно, что есть среди нас люди, которые однажды увидели молодого, почти никому не известного актера Олега Ефремова и решили его снять в кино. А он пришел на пробы для храбрости под руки с двумя подружками, и одна из них была, конечно, она. А дальше — вот и она, эта колонка.

ДЕЛО ДАВНЕЕ. Я был вторым режиссером у Барнета на картине «Ляна».

Искал артиста на главную роль.

Я сказал, что есть в Детском театре замечательный артист. Олег Ефремов.

Я видел его в спектакле, кажется, «Ошибка молодости» — он играл главную роль и еще был сорежиссером спектакля.

Вызвали на пробу. Олег прибыл в сопровождении двух барышень — как поддержка. Одна была Станицына, другая — Галя Волчек. Вот так мы познакомились.

Помнишь, Галя?

Олег попробовался очень хорошо. Но Барнет утвердил на эту роль Гайдая, не знаю почему…

Потом был «Современник».

Молодой, дерзкий. Невероятно популярный.

«Современник» на площади Маяковского.

Я там ставил «Случай Виши» Артура Миллера. До этого были необычайно дружеские отношения; начал ставить — и как-то все вдруг изменилось. Мне все время давали понять, что я делаю не совсем то, что нужно. Что театр — это одно, а кино — другое… Театр, конечно, намного важнее…

В общем, постановка не задалась…

Но дело не в этом.

В «Современнике» я имел возможность наблюдать Галю, тогда еще актрису. Играла она много, всегда интересно. Было видно, что это крупная, мощная актерская индивидуальность. А там было много этих индивидуальностей.

Всем они известны.

Галя им не уступала — сильный характер, может все, как говорил Утесов (о себе, правда), — от трагедии до трапеции.

Ушла в режиссуру, и это было совершенно естественно.

Многих ее спектаклей я не видел. Но разве это так уж важно?

Я видел, как она поставила «На дне».

Больше можно ничего не смотреть: мощно, нетрадиционно, — а ведь пьеса не из легких…

В кино, мне кажется, она могла бы сделать значительно больше — но, я это всегда говорил, для крупного актера нужно специально сочинять

сценарий, а не приспосабливать актера к уже имеющейся роли.

Была такая картина — «Первый курьер». Кто ее сейчас помнит? Там снимался болгарский Ален Делон — Стефан Данаилов, Коля Губенко, Леонов — как говорили, историко-революционный фильм.

Галя там играла эпизод — одесситку. Молдаванка, бандиты — вот такой фон.

Случайно я был на этой съемке. Видел, как грандиозно Галя играет, и роли-то не было — наверняка. И на пустом месте — фейерверк! Концерт в нескольких дублях. Можно смотреть бесконечно.

Как-то я просил ее отпустить актера на съемки. И она прочла мне великолепную, взволнованную лекцию «Что есть театр». Сыграла.

«Современник» переехал на Чистые пруды. Занял здание кинотеатра «Колизей». (Здание, правда, с самого начала и предназначалось для театра.) «Современник» стал респектабельным.

Мне кажется, это не пошло ему на пользу. Да и «Колизея» мне жаль…

В этом, в новом «Современнике» я во второй раз ставил Миллера. Не скажу, чтобы работа была легкой.

Галя, Галина Борисовна, уже была главным режиссером театра.

Я понял, что характер у нее нелегкий, властный. Кажется, она пробовала мной руководить, а я этого не люблю.

Как-то я просил ее отпустить актера на съемки. И она прочла мне великолепную, взволнованную лекцию «Что есть театр».

Сыграла.

Я сидел, слушал и думал — вот сейчас скажет: «Пойми, театр — это храм!»

Не сказала. Но актера не отпустила.

Сильно осложнила мне съемки.

Но я понял: «Современник» в крепких руках. В очень крепких.

Но — обиделся. Конечно, все это забылось, да и было это давно.

И вот как-то смотрю по телевизору «Кто боится Вирджинии Вульф». Волчек и Гафт. Потрясающе!

Хотел позвонить, но что-то помешало, не позвонил.

Исправляюсь.

Галя! Ты великая актриса, сильный, самобытный режиссер!

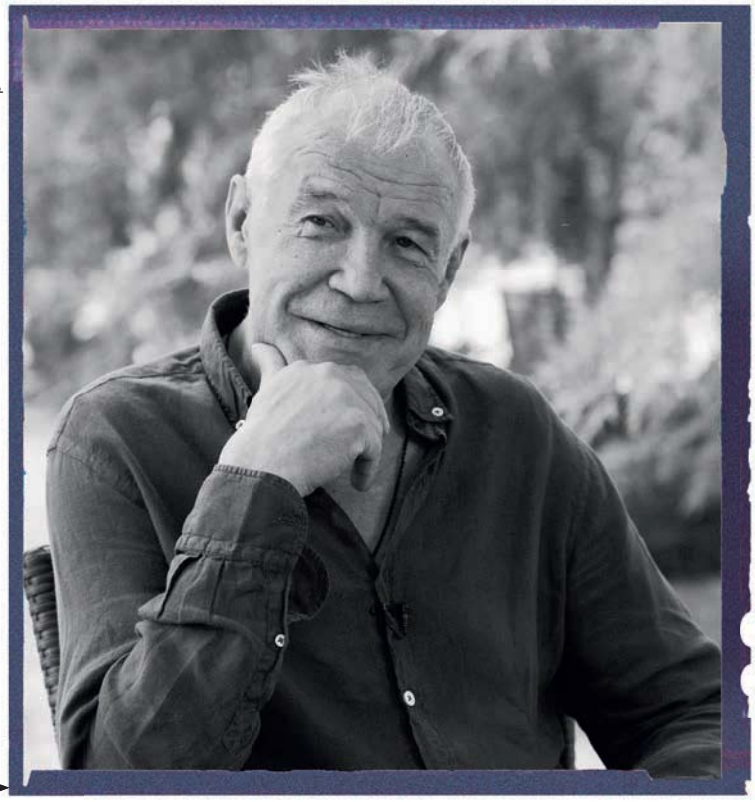
Ты крепко держишь в своих руках «Колизей»,

извини — «Современник».

Конечно, это нелегко, актеры народ сложный, но можно не беспокоиться. У тебя не забалуешь.

Хочу пожелать тебе работы, работы и еще раз работы. Только в этом наше спасение от сложностей жизни, недомоганий, не всегда веселых мыслей… И я знаю, уверен, ты никогда не сдашься, Волчиха.

И не раз еще увидит зритель твой доброжелательный оскал.

рия новости

Дверь, которую никто не видит

текст: сергей гармаш рисунок: катерина лобанова

Актер Сергей Гармаш прошел с Галиной Волчек такой путь, что любой бы позавидовал. И столько всего было на этом пути, что давно уже нет ясности, где тут театр, где тут жизнь. И чей театр. И о таком на самом деле можно только мечтать. И главное — спасибо за прямоту. И еще раз спасибо.

ЭТИМ ЛЕТОМ перед очередным показом, который студенты-выпускники разных театральных вузов устраивают для театра, Галина Борисовна сказала им: мы монологи не слушаем. Это не какое-то нежелание, она всегда объясняет, что для нее крайне важно увидеть, как артист владеет процессом, как он слушает партнера, как взаимодействует с ним. Так было и со мной, когда я пришел после Школы-студии МХАТ в театр «Современник». За столом сидели Галина Борисовна, Валерий Фокин, Игорь Кваша и Валентин Гафт. Мы показали отрывок, и Волчек спросила меня:

— У вас есть что-то еще показать?

Я сказал:

— У меня есть монолог.

— Нет, мы монологи не слушаем.

Но так случилось, что я стал исключением из правил. На фразе «мы монологи не слушаем» мой показ должен был быть закончен. Я направился к выходу из аудитории, мне оставался всего один шаг до двери, и в эту секунду Фокин спросил:

— А что за монолог?

— Достоевский. «Братья Карамазовы».

Они чуть-чуть посовещались.

— Ну, читайте.

Я лишь попросил разрешения переодеть рубаху — на мне была косоворотка, я надел белую и стал читать этот монолог. Тот момент на самом деле является, наверное, одним из самых счастливых моих моментов пребывания на сцене — это же тоже в каком-то смысле была сцена. Потому что показ есть показ, на нем нужно успеть посмотреть всех, а это значит, что в любой момент могут остановить, когда насчет тебя все становится понятно. Но у меня внутри тогда произошел какой-то взрыв адреналина, я получил какой-то чудесный допинг: читаю и понимаю, сколько я уже читаю, а они сидят вчетвером и меня не останавливают. Это было такое серьезное исключение из правил — я дочитал до конца. А монолог у меня был двадцать две минуты. Это показ как минимум трех отрывков.

После этого я уехал в Литву на свой первый в жизни съемочный день, прямо в эту же ночь. Когда вернулся в Москву, первым делом позвонил кому-то из однокурсников — результатов показа же не знал. Мне сказали: «Иди в “Современник” — там тебя ждут».

Вчетвером с однокурсниками мы пришли в кабинет Галины Борисовны. Это была очень короткая встреча. Помню, что она сказала:
— Мы вас берем. Вы нас убедили.
И еще предупредила, что в стенах этого театра мы очень скоро почувствуем себя близкими друг другу и что нужно быть готовыми к тому, что быстро получим работу и вольемся в общественную деятельность. И действительно, мой дебют в «Современнике» был не на сцене, а в каком-то капустнике.
В общем, эти годы, которые я прожил в театре, я поделил бы на две такие большие главы: одна называлась бы «Театр», а вторая — «Жизнь». И ни одна глава, ни другая, слава богу, пока не закончились, так и идут параллельно. Потому что наши с Галиной Борисовной человеческие, родственные даже взаимоотношения и взаимоотношения творческие сплетены уже до такой степени, что непонятно, где заканчивается «Театр» и начинается «Жизнь».
Я, например, считаю, что мое обучение, моя Школа-студия МХАТ продолжаются в «Современнике» и сегодня. Ведь когда в голову приходит мысль, что всему научился, — в эту минуту, значит, ты и закончился, нужно прекратить заниматься тем, чем ты занимаешься. Рядом со мной были Гафт, Кваша, Толмачева, Дорошина — они все в какой-то степени мои учителя, но главным учителем была и остается Галина Борисовна. Она никогда не учит напрямую, но просто существуя рядом с ней в жизни — на гастролях, на репетициях, в повседневной жизни, видя, как она ставит спектакли, как руководит театром, как решает какие-то вопросы, — я учусь. Те вещи, которые я от нее перенимаю, становятся частью моей кухни, неким способом существования.
Бывали такие моменты, когда я, скажем так, не всегда правильно себя вел. У меня были проблемы дисциплинарного порядка и, что там говорить, были проблемы с алкоголем — я не очень правильно с ним взаимодействовал. Да и мало ли…
И вот я заходил к ней в кабинет — она меня вызывала, и я сидел совсем не у главного режиссера. Вот совсем. В этот момент она была как мать, как друг. С невероятным талантом она мне приводила примеры других людей, которые становились на неправильный путь, и как ломалась их история, и ломалась раз и навсегда… Никогда эти беседы не были длительными и никогда не были эмоциональными. Какие-то тихие.
Она ведь пронизана вся режиссурой насквозь, в хорошем смысле: разговаривает по-режиссерски, одевается по-режиссерски, ест по-режиссерски, заказывает в ресторане по-режиссерски. И поэтому в этих беседах тоже была своего рода режиссура, она умела найти такую правильную интонацию, что я ее слышал. Конечно, я слушал и свою маму, отца и жену, семью. Но Галина Борисовна в очень большой степени повлияла на меня, очень сильно воспитала в этом смысле.
Вновь приходящим в театр первое время Галина Борисовна может казаться очень строгой, в чем-то даже жесткой, властной. Мне тоже так сначала казалось. Но сейчас я точно могу сказать, что это не так. У нее всегда была своя замечательная педагогическая методика общения с актерами. Приходят к нам, например, молодые актеры, и в первой же беседе — не важно, будь это вся труппа или какая-то ее часть — Волчек умеет так сократить дистанцию и расположить к себе, что они могут с ней пошутить, рассказать какую-то очень личностную историю. Как Галина Борисовна это делает, не очень понимаю, но я, например, допускал с Волчек достаточно острые шутки.
Найти общий язык с сегодняшней молодежью, которая, казалось бы, находится на большом расстоянии и разделена всевозможными новыми технологиями, новой модой, новыми видениями, — это, конечно, совершенно потрясающий дар. Слово «Современник» в высшей степени сочетается с Волчек и до сих пор. Еще я знаю, что она принимает близко к сердцу все сложные жизненные, семейные ситуации, происходящие с нашими актерами — не важно, пришли они в театр полтора года назад или прожили здесь тридцать лет. Абсолютно одинаковая степень участия, без избирательности.
А еще она невероятно открыта к юмору. Когда-то мы с Володей Машковым сносили ее дом. Это розыгрыш был такой… Мы ее довели просто до какого-то повышения давления! А она после того, как поняла, что это розыгрыш, заявила нам: «Я вам ставлю, негодяям, обоим пятерки за актерское мастерство!»
Но должен сказать, что при этом наши взаимоотношения не всегда были ровными и гладкими. Я думаю, что это даже хорошо, правильно. Настоящие взаимоотношения, настоящая история дружбы, товарищества, сотрудничества всегда должна быть пронизана какой-то драматургической линией, не все должно быть просто.
Были моменты, когда съемки в кино мешали репетиционному процессу. В итоге все мои отъезды и отлучки привели к серьезному конфликту между нами — получилось так, что в какой-то момент Галина Борисовна меня не отпустила, а я все же уехал. Она взяла другого актера и с ним выпустила спектакль. Тут наступил достаточно длительный, около двух лет, период, который я бы назвал холодным временем между нами. Но у нее была совершенно заслуженная обида. Мне нужно было, когда я уже закончил съемки, подойти и попросить разрешения участвовать в спектакле — я этого не сделал в силу собственных амбиций: тогда мне казалось, что я ничего такого не совершил и что я прав. Сейчас я так не думаю.
Но даже в самые холодные наши времена, когда между нами пробегала очень-очень черная кошка, она всегда оставалась предельно честна в профессии. Например, я репетирую в спектакле у другого режиссера.

Слово «Современник» в высшей степени сочетается с Волчек и до сих пор. Еще я знаю, что она принимает близко к сердцу все сложные жизненные, семейные ситуации, происходящие с нашими актерами — не важно, пришли они в театр полтора года назад или прожили здесь тридцать лет.

Приходит Галина Борисовна. А я знаю, какое у нее настроение после моего одного поступка, как она расстроена. Она смотрит прогон «Еще раз о голом короле», а это был первый, очень сырой прогон, и делает всем замечания. А я получаю комплимент. Потому что если я этого, по ее мнению, заслуживаю, то она так и говорит, хотя весь театр знает, что случилось до этого. И как же это невероятно приятно! Не то, что тебя хвалят, а что правда ей дороже всего.

Или другой случай. Я назначен на главную роль в спектакле, но так случилось, что задерживаюсь на съемках. Уже назначены репетиции, на первую я не являюсь. Приезжаю, она устраивает мне дикий разнос. Я пытаюсь оправдаться: ну Галина Борисовна, вот послушайте, ну понимаете, какая ситуация, оставалось два дня съемок, это черт знает где, Ростовская область, у вас сын продюсер, вот спросите у него — так бывает…

И я сижу у нее в кабинете, крещусь перед ней и говорю: все, я свободен как белый лист, я все освободил. Да, опоздал на два дня, но мы сейчас возьмемся, время у нас есть, все успеем.

Она говорит: хорошо, иди работай. И буквально на следующий день раздается звонок Никиты Сергеевича Михалкова:

— Здорово, старичок.

— Здравствуйте, Никита Сергеевич.

— А помнишь наш разговор летом?

Я просто холодею, говорю:

— Да, я помню.

А разговор был очень конкретный. Никита Сергеевич сказал:

— Я буду снимать картину «Двенадцать», и у тебя там будет большая роль.

Он говорит:

— Ну мы запускаемся, старичок.

— Никита Сергеевич, подождите! Как вы запускаетесь? Вы же говорили, конец февраля!

— Нет-нет-нет, старичок, ты позабыл. Какой февраль? У нас запуск вот, в конце декабря. Там сценарий тебе повезли.

А я тогда уже понимал, какая у меня будет роль. И тут еще получаю сценарий — у меня голову уносит от него, я сижу и думаю: «Боже мой! Я же сидел за столом и крестился». Первая мысль: «Я закошу». Но потом думаю: «Как закосить? Попрошу второй состав… Но Волчек категорически не любит вторые составы! Она этого не допустит. Значит, скандал. А если сниматься у Михалкова, не сказав, — это откровенный обман. Но дико же не хочется терять эту роль… Что делать? Что?!»

Совершенный тупик. По-хорошему нужно отказываться от Михалкова. Жалко невероятно. И вдруг я понимаю, что выход может быть только один. Я захожу в кабинет к Волчек:

— Галина Борисовна, мне нужно поговорить. Послушайте, я вам даю честное слово, правда, такого два раза в жизни не бывает. У меня не было такой роли в кино. Я понимаю, что я не обделен ролями, но…

Она говорит:

— И что? Как ты себе это представляешь?

И я обещаю:

— Ну, во-первых, сейчас есть еще время. Я поговорил с режиссером спектакля. Михалков сказал, он снимет все одним блоком за сорок дней, и я просто извернусь, я договорюсь с Яковлевой, что буду с ней репетировать в любое свободное время, ночью, я все сделаю. Я вам даю слово, что мы выпустим спектакль.

Она сидит, молча смотрит на меня. Она понимает. И говорит:

— Да.

То есть на самом деле мало кто знает, но роль в «Двенадцати» — это подарок не только Михалкова, это подарок и Волчек. В равной степени. Мне посчастливилось, в «Современнике» мне всегда удавалось совмещать театр и кино. Волчек же в этом смысле принесла себя в жертву. У нее было огромное количество приглашений в кино, на которые она не соглашалась, понимая, что если уж заниматься руководством театром, то нужно отдавать себя полностью, от начала до конца. Она замечательная актриса, которая сыграла в своей жизни десять процентов от того, что могла бы. Но, несмотря на это, ее жизнь в театре, безусловно, можно назвать счастливой. Она здесь шестьдесят с лишним лет, и это счастье подтвержденное, доказанное ее работами и тем, каким является «Современник» сегодня, какими являются его молодая и старшая труппы, доказано зрителями. Но какое же это трудное счастье! Для того чтобы обладать им и прожить такую историю, господи, сколько же ей пришлось вытерпеть! Были моменты, когда люди предавали эту территорию, а потом пытались на нее вернуться. Прощала ли она? Да, прощала. Она абсолютно способна к этому прощению. Сколько раз ей было больно: кто-то уходил очень красиво и оправданно, кто-то некрасиво, какие-то спектакли не сразу выходили…

Был в истории театра такой момент, совершенно потрясающий: накануне нашего пятидесятилетия нужно было делать спектакль. Выбор пал на «Пять вечеров». Мало кто знает, но, когда оставалось ровно две недели до юбилея, режиссер опустил руки и прямо так открыто сказал: «А у меня не получилось». За две недели до выпуска спектакля не было. Идея, которую он принес и которая на словах была убедительной, в процессе репетиций такой не стала. И Волчек сделала этот спектакль сама. Сделала и не убрала его фамилию.

Что такое режиссер Галина Борисовна? Если бы мне надо было написать эпикриз, как были сделаны все мои роли с ней, я бы, наверное, в первую очередь вспомнил ее глаза. Она может говорить любой текст, но глаза ее, энергетика — они всегда показывали мне того человека, которого я должен был играть, — был ли это Миша из «Мурлин Мурло» или Ильин из «Пяти вечеров».

Когда она начинает с актером работу над ролью, всегда включает в нее личностное. Ее режиссерская фантазия состоит из очень конкретных и точных вещей. Помню, на репетиции к спектаклю «Мурлин Мурло» я лежал на постели и должен был произносить текст, а рядом сидела Яковлева и молчала. Вдруг Галина Борисовна мне говорит:

— Погладь ее ногой.

Я говорю:

— Ну как это — погладить ногой, Галина Борисовна?

— Ну, ногой погладь. Погладь ее просто. Как будто бы рукой.

Я что-то пытаюсь сделать, она мне говорит:

— Нет. Не так.

И дальше рассказывает мне эпизод, как в молодости они где-то были на гастролях, и Евстигнеев в дикую какую-то жару заболел, лежал в номере на кровати весь в поту, с температурой, и кто-то вошел в номер и спросил сигареты. А он, оттого что у него было такое состояние, ногой показал: «Вон, — говорит, — возьми на столе». И когда она рассказала мне этот эпизод, я моментально себе это представил и понял, чего она хочет. Моментально получилось.

Такие слова, как «Волчек» и «компромисс», для меня не монтируются. У нее вместо компромисса иное решение. Она может найти в ситуации дверь, которую никто не видит.

Я всегда был восхищен ее невероятной библиотекой каких-то историй — смешных, печальных, неожиданных, порой невероятных. Мы обычно называем их актерскими байками, но во всех ее случаях есть театр, есть драматургический момент. Она нанизывает их, как когда-то чеки на одну и ту же шпильку. И эта история с Евстигнеевым, казалось бы, очень даже бытовая, а нет. Вот это вот «показать ногой» — это было частью характера Евстигнеева. У него же вообще была такая очень необычная пластика.

Для Галины Борисовны самое главное, чтобы мы, выходя на сцену, не жалея никаких сил, как она говорит, катапультировали зрителя из его кресла, катапультировали в ту историю, которую мы рассказываем, катапультировали в какие-то новые мысли, новое сознание и чтобы мы абсолютно исповедовали название «Современник» и исповедовались на сцене. По-настоящему, до самого конца, до самого края.

Во мне, я могу сказать, это есть. Я это люблю. У меня никогда не возникало мыслей, что чего-то здесь не хватает. Да, я не играю нового последние, наверное, лет семь. Но я не чувствую дискомфорта. Во-первых, я жду, что оно вот-вот будет, а во-вторых, я здесь уже так прижился… Никогда у меня не было моментов поиска другого пространства. Никогда. При всем при том, что было ли мне здесь когда-то обидно? Да, было и обидно, и непонятно. Был момент, когда я, например, категорически не хотел участвовать в постановке. Ну категорически! Это была постановка не Волчек, другого режиссера, была конфликтная ситуация, и я понимал, что мало того, что я с этим человеком не нахожу общего языка, — я и не хотел его находить, было ужасно. Я понимал, что не смогу Волчек объяснить это словами. Подумал и решил: напишу. Написал огромное письмо, где изложил все свои аргументы, все свои амбиции, достаточно искренне. И попросил разрешения, чтобы меня от спектакля освободили. Помню, только прошел спектакль «Ревизор», Галина Борисовна еще в костюме, тут я возник. Подхожу к ней с конвертом. И вдруг у нее такой напряженный взгляд.

— Я вот хотел вам передать…

Она видит этот конверт с письмом и говорит:

— Уходишь?

— Нет, Галина Борисовна, не ухожу.

Спустя день вызывает меня в кабинет и говорит:

— Я понимаю тебя, и многое разделяю, и во многом становлюсь на твою сторону. А теперь послушай меня. Есть моменты, которые называются внутренней дисциплиной и которые нужно проходить. Я понимаю, что тебе будет тяжело, будет неприятно. Как актриса я тебя понимаю. Но как художественный руководитель я тебе говорю: иди и репетируй. Переступи через себя.

Я пошел и так сделал. Было тяжело, но пользу понял чуть позже. Поэтому такие слова, как «Волчек» и «компромисс», для меня не монтируются. У нее вместо компромисса иное решение. Она может найти в ситуации дверь, которую никто не видит.

Однако при этом Галина Борисовна до сегодняшнего дня сохранила в себе очень много наивного, не побоюсь сказать, детски наивного. Она в чем-то очень ранима, не защищена, но никогда не выставляет это на первый план. В нашей профессии есть первый план и есть второй план, и если твоя роль исполнена правильно, то, безусловно, зритель услышит твой второй план. Он его увидит, и он его почувствует.

И как можно за все это отблагодарить Волчек? Мне кажется, единственная благодарность, которую она действительно ждет от нас, и даже не просто ждет, а жаждет и воспитывает, — это совершенно искренняя и неистовая любовь к территории, на которой мы живем.

Поэтому Галина Борисовна для меня в первую очередь не главный режиссер и не художественный руководитель. Она — сердце дома «Современник» и кровь этого дома. Иначе не было бы такой длинной истории. *рп*

риа новости

Как я к ней прилипла

текст: татьяна тарасова

Тренер Татьяна Тарасова может претендовать на то, что она натренировала в жизни огромное количество людей, причем именно в жизни, а не только на льду. Но с Галиной Волчек другой случай: тут еще не ясно, кто кого натренировал. И слава богу. И пусть остается загадкой. И эта колонка Татьяны Тарасовой не проливает полного света, хотя ведь могла бы — судя по откровенности, которую вы не сможете не увидеть. А потому, что кое-что все-таки оставила и для себя.

ГАЛИНА БОРИСОВНА влюбила меня в театр. С самого детства я ходила в «Современник», была на всех постановках, и мне кажется, что и замуж первый раз вышла за актера Алексея Самойлова только из-за того, что мне хотелось быть ближе к театру и Галине Борисовне. Мне хотелось всю жизнь сидеть тихонечко у нее в ногах и слушать, что она говорит. Это Бог послал мне такого человека в жизни…

У нас с ней есть фотография в аэропорту, когда мы улетаем вместе на Олимпийские игры. Эту фотографию можно назвать «любовь». Я чувствую с ней такое единение, что это даже трудно описать. Я люблю все, что она делает, — как она ставит спектакли, как она говорит, как она себя ведет, как общается с людьми, как себя отдает, как она заботится о себе, чтобы и дальше беречь театр, чтобы просто быть. Можно часами рассказывать, как она помогает людям, как она решает проблемы своих артистов. Она знает о каждом родившемся в театре ребенке. К ней ведут детей, как к батюшке, для благословения.

Мы знакомы с Галиной Борисовной так давно, что я даже не вспомню, как я к ней прилипла. Полюбила ее и все время ходила туда, где мы могли встретиться. Я сидела на ее репетициях, меня никто не знал, и я уже и не вспомню, кто нас познакомил. Мне кажется, что она, как моя сестра, всегда была у меня в жизни. Она воспитала меня на своих спектаклях. Я ее обожала. Я не думала, будет это дружба на всю жизнь или нет… Я ей вообще зачем?

Она всегда — за меня. Однажды я работала в Одессе, ставила программу для Натальи Бестемьяновой и Андрея Букина для Олимпийских игр, а «Современник» был в городе на гастролях. И она мне говорит: «Я приду к тебе на тренировку». Она сама очень творческий человек, необыкновенный, Богом поцелованный, но помимо этого у нее есть и другой дар — она умеет оценивать работу другого человека. Это не каждому дано, потому что люди обычно занимаются только собой и не замечают ничего вокруг. Она удивительным образом мне помогала — словом, взглядом, делом. И вдруг во время тренировки она закричала с трибуны: «Танька, это гениально!» В программе действительно был один придуманный ход, который я помню до сих

пор и который производил сильное впечатление. Она всегда была за меня, и это придавало мне уверенности. Я ведь девчонкой начала работать и всегда смотрела на ее репетициях, как она работает, все впитывала. Игорь Моисеев, мой папа, Галина Борисовна и творчество Майи Плисецкой оказали на меня огромное влияние как на тренера и хореографа. Именно их спектакли, их опыт, их талант и понимание искусства помогли мне стать тем, кем я стала. И тогда, в Одессе, я посмотрела на нее, засмеялась и сказала: выиграем не выиграем, но будем рядом. В итоге мы были вторыми, а тот ход остался на всю жизнь с криком Галины Борисовны: «Танька, это гениально!»
Судьба часто баловала меня Галиной Борисовной, теперь-то уж я зову ее Галей. У нас много общих воспоминаний, одни из самых приятных связаны с нашей поездкой в Италию. Мы поехали вчетвером: мама Миши Куснировича Эдит Иосифовна, Галина Борисовна, я и еще одна подруга. У нас был домик, у каждой — своя спаленка, мы жили там две недели, и это время было самым настоящим счастьем.
На старенькой «вольво» мы исколесили все побережье, я была за рулем — до сих удивляюсь, как я не боялась их всех возить. В один из первых дней мы поехали в магазин и решили, что каждая купит то, что любит больше всего. Мы так загрузили багажник, что он не закрывался. У нас не было столько холодильников, сколько мы всего накупили. Мы же все время худеем… Я с такой теплотой вспоминаю наши неторопливые завтраки, когда не надо было никуда спешить — море было холодное, мы не купались и могли только гулять по пляжу.

Сколько лет живет ее театр, столько лет нет свободных мест! Эта невероятная женщина держит на своих плечах такой груз, который под силу нести лишь избранным.

Мы накрывали стол, и было так спокойно и счастливо в нашей бабской компании. Эти воспоминания остались со мной на всю жизнь. Галина всегда рассказывала какие-то интересные актерские истории, а я буквально притаившись, как котенок, у нее в ногах с огромным чувством счастья слушала каждое ее слово. Каждый день мы сидели подолгу на веранде, а после обеда отправлялись изучать окрестности на машине. Большую часть времени мы ездили с Галей вдвоем. Мы любим итальянские рынки и не скрываем этого. Мы ездили по побережью, потом оставляли машину, потому что нам надо было с ней ходить пешком, но просто так ходить тяжело, а здесь ходишь с каким-то делом. Дороговато стоили нам эти прогулки, но мы никогда ничего не покупали себе — все в подарок. Я всегда поражалась ее изысканному вкусу — Галя может надеть любую вещь, и на ней она будет смотреться как «дольче габбана». Я никогда не забуду, как она отмечала свои дни рождения — как она накрывала стол, какие блюда готовила! У нее всегда были изысканно-вкусные необыкновенные столы. Ее стиль проявлялся во всем. Я видела, как на нее смотрят люди — ведь она всегда приковывала взгляды. Все просто падали в обморок от ее платьев и плащей от Славы Зайцева, и ей это очень шло, это было очень театрально и стильно.

Еще одно яркое воспоминание, которое мне дорого, — это 60-летие «Современника» на площади Маяковского. Столы были поставлены прямо на улице, было много гостей, каждый говорил что-то очень важное и сокровенное про театр, про Галину Борисовну. Я никогда не забуду, какие потрясающие стихи читал Евтушенко… до мурашек. И был Олег Павлович Табаков, Марина Неелова, Гармаш — все-все-все.
И мы сидели на этой площади в самом сердце Москвы, и казалось, что вся наша жизнь прошла на этом месте. И мы, люди, не связанные напрямую с театром, не чувствовали себя инородными телами, потому что это уже наша общая история. Это было настоящее единение с городом, воздухом, Галиной Борисовной и вообще со всеми людьми.
Мне нравится, что она не меняет своих друзей. Люди, которые с ней были по жизни, любят ее, и она любит их. Она умеет дружить. А настоящая дружба требует большой отдачи человеческих сил, и она не жалеет их никогда. К ней идут толпами, и она раздает свое тепло, энергию, после чего ей всегда надо восстановиться, чтобы опять служить людям. Сколько лет живет ее театр, столько лет нет свободных мест! Эта невероятная женщина держит на своих плечах такой груз, который под силу нести лишь избранным. У нее огромная труппа, и до каждого человека ей есть дело. Она никогда ничего не просит для себя, она много лет живет в одной и той же квартире, а если и просит, то для других. Мало кто думает об этом, но я это вижу.
Отдельный разговор — ее отношение к молодежи. Галя в авангарде театрального движения. Скольким она дала дорогу! Она очень хорошо понимает молодых, и она никогда не скажет, что это потерянное поколение, она верит в молодежь.
Когда она делала новую постановку «Двое на качелях», я с ней сидела на предварительных читках. Мне казалось, что я ей была нужна в качестве костыля, на который можно немножко опереться. Потому что я совершенно своя, я все понимаю и разделяю с ней.
Отношение артистов к происходящему, их эмоциональный градус, восприятие каких-то замечаний — вся эта работа была настолько профессиональной, что я не уставала удивляться, сколько мудрости и терпения нужно режиссеру, чтобы поставить хороший спектакль. Я была очень рада, что могу хоть чем-то ей служить, потому что она великий человек. Любая встреча — это счастье. И каждый раз не хочется уходить, потому что с ней я дома, это самый близкий мне человек, как будто моя сестра, моя кровь. Я хочу, чтобы она была самым большим долгожителем. Она космос, она огромная величина. Она согревает и делает тысячи людей лучше. Я с ней и в горе, и в радости. Когда я выигрывала, она была рядом. И когда я потеряла всех самых близких своих людей, она была со мной. Я благодарна ей за то, что она у меня есть. Я тоже не слабого десятка, но она дает мне такую силу и поддержку, которая для меня очень много в этом мире значит. Я всегда могу позвонить ей и крикнуть: я люблю тебя, помоги мне или скажи, что мне делать. Я по многим вопросам с ней советуюсь, и она умеет сказать именно то, что тебе нужно в этот самый момент. Она мудрая и добрая, умеет проникать в человека. Она занимает огромное место — не только в моей жизни, а во всей мировой культуре — и мы должны это хорошо понимать. А уж быть ее подругой — это большой подарок Божий.

александр николаев/интерпресс/тасс

Атланты держат небо

текст: вадим абдрашитов рисунок: анна каулина

В стародавнем споре, какое из искусств важнее — театр или кино, — поставлена точка. По крайней мере, после этой колонки кинорежиссера Вадима Абдрашитова о театральном режиссере Галине Волчек спор теряет смысл. Театр и кино в данном случае едины. Хотя случай, возможно, исключительный.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО с Галиной Волчек произошло в начале 60-х. Это была не личная, к сожалению, встреча, а знакомство с ее творчеством — актрисы и режиссера. Мы, студенты Физтеха из Долгопрудного, приезжали в Москву и выстаивали очереди днями и ночами, чтобы купить билеты в «Современник». Я хорошо помню, какой потрясающий успех имел спектакль «Двое на качелях», который поставила Волчек с вызывающе обаятельным Михаилом Казаковым и красавицей Татьяной Лавровой.

В 66-м прогремела еще одна постановка Галины Борисовны — «Обыкновенная история». Меня всегда поражала режиссура Волчек, ее поразительная по тонкости работа с актерами, которым удавалось «плести» кружева взаимоотношений прямо на наших глазах, на сцене — и с каким-то абсолютно обнаженным раскрытием характера и образа. Это был сенсационный спектакль. Когда сегодня о каком-то спектакле говорят «это сенсация!», это не сравнится с тем, что происходило тогда вокруг «Современника». Попасть на спектакли было практически невозможно. И когда мы с моим товарищем, а ныне известным актером Александром Филиппенко каким-то чудом попали в театр, то были просто ошарашены — вот так я познакомился с самыми яркими моментами режиссерской практики Галины Борисовны.

Что касается личного знакомства, то это произошло позже, в середине 80-х, когда я работал над фильмом «Слуга», а оператором на картине был Денис Евстигнеев, сын Галины Борисовны — замечательный мастер изображения. Несмотря на разницу в возрасте, мы подружились с ним и дружим до сих пор. Когда работали над фильмом, бывали друг у друга в гостях — так я попал в дом Дениса Евстигнеева и его мамы. Там и познакомился с этой обворожительной, замечательной, остроумной и мудрой женщиной. Открытость ее, простота и прямота общения — все это, конечно, определяло отношение к ней, вызывало восхищение и уважение. И, когда заезжали со съемок, она всегда накрывала стол — обильно, вкусно и радушно. На день рождения я подарил Денису собаку: наша кокер-спаниель принесла щенков. Денис и его жена Таня, узнав об этом, захотели

Такой она человек: если прониклась любовью и нежностью — это искренне, всерьез и надолго.

получить маленького кокера. Тогда мы с дочкой положили в корзину щенка Микки, пришли в дом Галины Борисовны и вручили Денису и его жене их нового питомца. Но без ума от него была Галина Борисовна и, когда уезжала на гастроли, всерьез переживала разлуку с ним. Денис говорил: «Она звонит по телефону, уже про меня ничего не спрашивает, первый вопрос — как там мой Микки?» Такой она человек: если прониклась любовью и нежностью — это искренне, всерьез и надолго.

Наверно, главная печаль любого режиссера, во всяком случае, для меня это так — видеть талантливого актера, мечтать с ним поработать, но не иметь подходящей роли. Каждый раз, читая новый сценарий, думаешь, что, может быть, в этот раз… и надеешься на следующий. Вот в таком состоянии относительно Галины Борисовны как актрисы я до сих пор и нахожусь.

Сейчас «Современник» переживает непростые времена, идет ремонт в основном здании, который, надеемся, скоро закончится. И зрители, и актеры — все ждут этого с нетерпением. И все трудности, которые были у театра, преодолевались благодаря железному на самом деле характеру Галины Борисовны — настоящего режиссера и просто прекрасного человека.

Я, конечно, поддержал молодежный режиссерский проект «Современника». Когда начинающему режиссеру дается шанс показать себя на большой сцене — это для него бесценно. И Галина Борисовна дала такой шанс молодым и неизвестным, которые показывали свои опыты и опусы на Другой сцене «Современника». Обращаясь тогда к участникам этого проекта, я говорил, что они находятся под материнским крылом Галины Борисовны и надо быть ей за это благодарными. Потому что это родительская забота, забота художника, руководителя театра о смене, это постоянный поиск новых лиц, новых идей, новых актеров.

У Галины Волчек есть потрясающая способность творить, или, если так можно сказать — сотворить, с другими людьми. Там, в 60-х, группа особых людей, талантливых, красивых и умных, выстроила храм духа. Тогда, в 60-е годы, в нашей жизни было чрезвычайно важным существование такого театра, как «Современник». Его спектакли многое определяли в жизни, определялся даже сам образ жизни, способ мышления и понимания того, что происходит в России. Поэтому абсолютно верным оказалось название этого великого театра. И среди атлантов — все взявшая потом на свои плечи Галина Волчек, кариатида этого храма. *рп*

orlova

Подарочный экземпляр

текст и фото: алена бабенко

В этом номере немало сказано, а можно и еще сказать, восторженных и возвышенных слов о декабрьском юбиляре, Галине Борисовне Волчек. Удивительно, что авторы не повторяются, у каждого (как и у автора этой колонки, актрисы Алены Бабенко) есть своя история про Волчек. Такой уж у нее дар: вершить судьбы.

ДАР — без-дар… о, ГБ!!! — это первое, что я написала после звонка из «Пионера» с просьбой написать колонку… Почему это выдала моя голова? Или сердце? Теперь уже две мысли сплелись: дар — это что-то про сердце? А без-дар — это вообще про что? И как вообще писать о дарах… Они же даются тебе даром… внезапно, просто так… вдруг… ни с того ни с сего… Нет, конечно, ты о них всегда мечтаешь и, конечно, надеешься, что, может быть, его величество случай когда-нибудь возьмет тебя за руку и… даже, может быть, однажды проболтаешься о своей мечте… но чаще все это прячется внутри, потому что кажется невероятным и несбыточным… Попасть в театр «Современник», где служат все! Ну все возможные и невозможные звезды… то есть этот театр просто переполнен и, конечно, все места забиты, забиты до отказа, ну то есть это когда ты наверняка знаешь, что на одну роль в театре человека по три точно, остальные стоят в очереди… Короче, там такая недосягаемость, что и не то что сигать, а и думать сигать не стоит, особенно с учетом моего большого потенциала как труса… Только не надо удивляться! У меня тогда было в рюкзачке пара фильмов, на съемках одного из них мне казалось, что я точно напрасно ринулась в артистки (да, это был «ВДВ» — «Водитель для Веры»)… Это потом оказалось, что все вышло довольно неплохо… Театра я вкусила на последнем курсе ВГИКа, когда студенты, как «цыгане шумною толпою», кочуют по столичным театрам, представляя себя на показах, в том числе и в «Современнике», где мне сказали «спасибо», не досмотрев отрывок, потом в Ленкоме, где «счастье было так возможно, так близко»… но в день премьеры меня заменили на другую актрису… Удар был жесткий и, на языке тенниса, плотный, с очевидным букетом последствий в виде психических расстройств под величественным названием «стресс», неверие в себя; слово «никогда», которое никогда для меня ничего не значило, стало написано внутри меня красным стоп-сигналом заглавными буквами: театр — НИКОГДА! Ну а дальше уже — никогда не возьмут, никогда не предложат, ну а если и предложат, то, конечно, я никогда не пройду пробы, и т.д… Простите, что я так долго об этом распинаюсь, хотя… думаю, что это очень кратко… Палитра переживаний включала себя, если уж до конца быть откровенной, черт знает что… Короче, театр улетел в иконку «мечта».

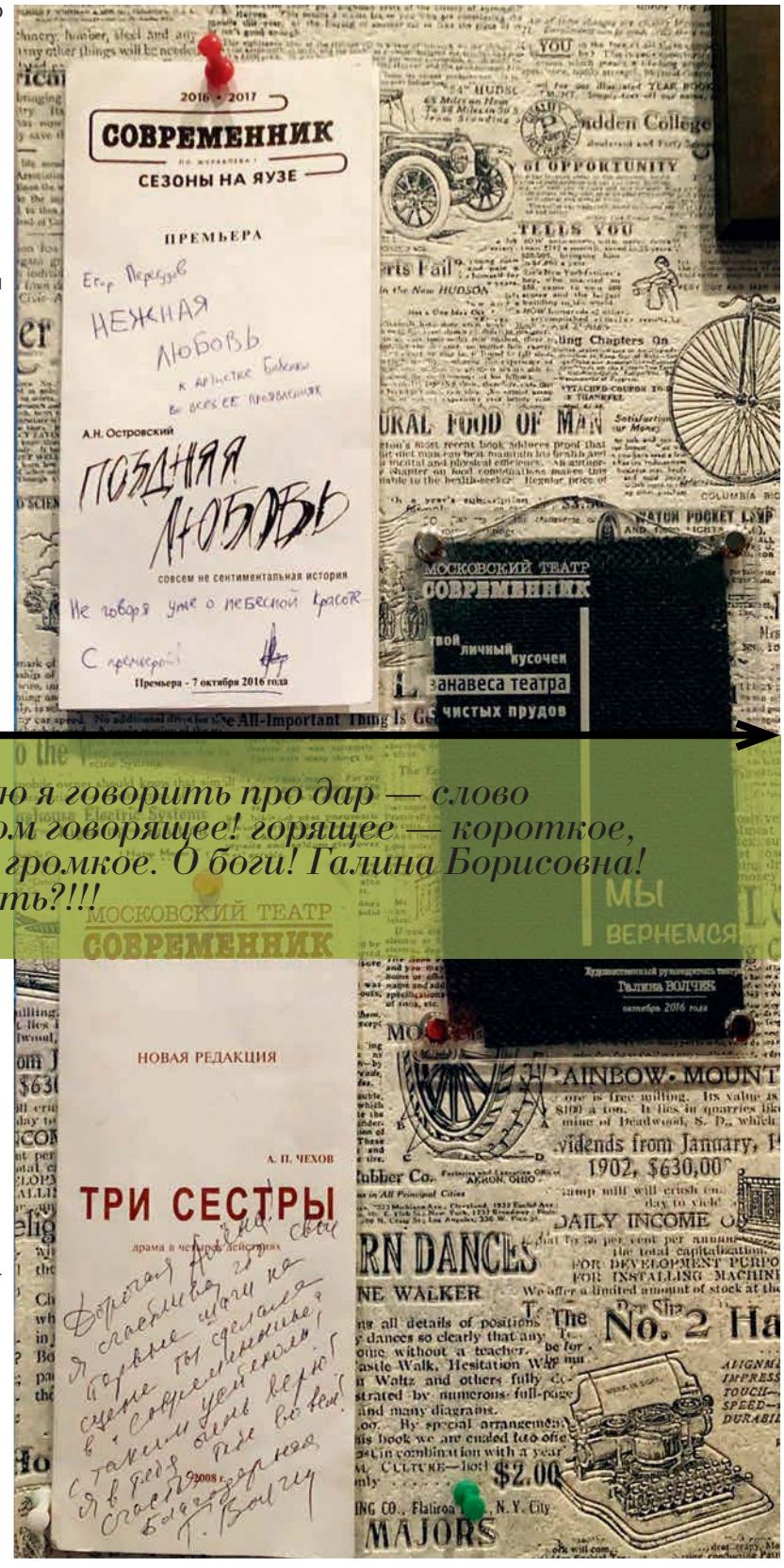
ЕВС — его величество случай — случился 10 лет назад… Как недавно сказал один из моих знакомых, «перебери в голове все поворотные события в твоей жизни, и ты поймешь, что ни в одном из них не было твоего плана»… Истинно так!

2008-й был год — год перемен по всем жизненным фронтам… Лето. Вдруг звонок из театра Райхельгауза «ШСП» («Школа современной пьесы») с предложением главной роли в чудо-пьесе и спектакле, в котором играли Филозов и блистательная Любовь Полищук с песнями Окуджавы — визитная карточка театра — «Пришел мужчина к женщине»… ДАР! В общем… как бы сказать помягче… нормальная актриса ну что-то сделает, чтобы понравиться режиссеру, произвести на него впечатление… Уж точно прилетит с блеском в глазах и будет говорить, плакать, смеяться, хвалить, восторгаться, задавать вопросы… ну то есть добиваться роли, в конце концов! Нет, при встрече, конечно, делала весь этот вид как могла, но внутри металлический вживленный чип с названием «никогда» был могущественным циником, который зудел: «Не получится»… Душа металась и искала спасения… Нужен был чей-то голос… совет… Надо было как-то избавиться от этого противного «никогда»… получить благословение и чтобы кто-то просто сказал: «Не бойся. Если что — звони, я помогу»… Спектакль надо было репетировать быстро. Я, сама не понимая почему, тянула время, прикрываясь врaками, как ребенок, что, мол, щас-щас, жду ответа по съемкам.

И вот «июль — макушка лета, —
Напомнила газета,
Но прежде всех газет —
Дневного убыль света», — писал Александр Твардовский.

Вот так и у меня убывал внутри свет со скоростью света от этой ненавистной нерешимости… Я даже заперлась на два дня дома, задернула шторы в надежде, что в одиночестве придет ответ… Не пришел… Пишу это, и даже теперь не верится, что там, в том 2008-м, была я… Это была я? 29 июля 2008 года, примерно через месяц, я сыграла Машу в спектакле «Три сестры» в театре «Современник»… И чей это был план? ДАР!

Я зашла к ней до спектакля… Точнее, мой будущий муж буквально за руку завел меня в комнату, где ГБ принимала своих гостей. Тогда, в июле, он пригласил меня посмотреть «Три сестры», о чем я долго мечтала… И — о дар! — меня осенило! Вот у кого точно надо спросить совета! Она же не только режиссер, но и женщина, к тому же актриса! Кто, как не она, может меня услышать! И я через пять минут выпалила все мои предлагаемые обстоятельства в связи с предложением Райхельгауза, закончив вопросом: «Как быть?» — «Иди, репетируй и не забудь пригласить на премьеру», — спокойно, уверенно, с глазами насквозь сказала Галина Борисовна, и я выдохнула. Самое главное, в этот вечер она сказала, что мечтала бы видеть меня актрисой театра «Современник», но тогда я в это абсолютно не поверила, это было мимо моих ушей все по той же причине моих активных пролетов прежде, и мне уже были известны подобные «мечты» театров видеть меня ихней артисткой… И я сейчас даже не

Не умею я говорить про дар — слово слишком говорящее! горящее — короткое, емкое, громкое. О боги! Галина Борисовна! Как быть?!!!